

Проблема способа бытия семиотических объектов

М. А. РОЗОВ

Проблема, о которой пойдет речь, не нова и имеет солидную традицию обсуждения. Известные американские литературоведы Р. Уэллек и О. Уоррен пишут: «Прежде чем приступить к анализу различных аспектов произведения искусства, мы должны коснуться чрезвычайно сложной эпистемологической проблемы, которую можно определить как «способ бытия» или же как «онтологическую природу» литературного произведения»¹. Если проблема будет решена, отмечают они на той же странице, то будет «найден путь к правильному анализу литературного произведения». Сказанное с полным правом можно отнести к анализу любых семиотических объектов: знаку, знанию, научной теории... Я в принципе не представляю, как можно приступить к их исследованию, не выяснив первоначально, хотя бы гипотетически, где и как они существуют. Должен признаться, что работы, которые посвящены анализу научного знания или литературного произведения, но не начинаются с обсуждения указанной проблемы, для меня просто не представляют интереса, ибо очевидно, что автор сам не знает, о чем говорит.

Впервые, вероятно, и к тому же наиболее остро осознал эту проблему Фердинанд де Соссюр. Он обнаружил, что в языке нет субстанции². Действительно, с каким материалом мы можем связать семантические или синтаксические характеристики слова? Сколько бы мы ни изучали его звуковую субстанцию, мы не поймем, почему слово «стол» соответствует тому предмету, на котором стоит мой компьютер. И это относится к любому знаку, знанию, научной теории. Семиотические объекты напоминают улыбку чеширского кота, улыбку без носителя. При всей очевидности

¹ Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М. 1978. С. 154.

² См.: Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М. 1990. С. 106–107.

58

проблемы на нее почему-то очень мало обращают внимания. Соссюр обратил, и это обернулось драмой мысли: за двадцать пять лет оставшейся ему жизни он почти ничего не опубликовал.

«Что же удерживало его от публикаций? — спрашивает Эмиль Бенвенист в своей статье «Соссюр полвека спустя» и продолжает. — Теперь мы начинаем понимать это. За этим молчанием скрывается драма, которая, по-видимому, была мучительной, которая обострялась с годами, которая так и не нашла выхода. <...> Главным образом это была драма мысли. В той самой мере как Соссюр постепенно утверждался в своей собственной истине, он отдалялся от своей эпохи, ибо эта истина заставляла его отвергать все, что писалось и говорилось тогда о языке. Но колеблясь перед этим радикальным пересмотром идей, который ощущался им как необходимый, он не мог решиться опубликовать хотя бы самую маленькую заметку, пока фундаментально не обоснованы сами исходные положения теории»³.

«Можно ли вообразить себе анатомический анализ слова? — спрашивает Соссюр в своих заметках и отвечает. — Нет. Причина следующая: анатом выделяет в организме такие части, которые после прекращения в них жизнедеятельности, тем не менее, остаются фактами этой жизнедеятельности. С точки зрения анатомии желудок есть вещь, каковой он является и при жизни с точки зрения физиологии; поэтому анатом никогда не разрезает желудок пополам, а отделяет его, следуя очертаниям, которые диктуются и устанавливаются жизнью. Они заставляют анатома обходить желудок и не дают ему в то же время возможности спутать желудок с селезенкой или чем-либо иным... Возьмем теперь лишнее жизни слово (его звуковую субстанцию): представляет ли оно собой по-прежнему тело, имеющее некую организацию? никоим образом, ни в коей мере»⁴. Но ведь этот вопрос можно с полным правом поставить по отношению к любому семиотическому об-

разованию, знанию, теории, литературному произведению. Имеют ли они строение, структуру или эти категории бессмысленно здесь употреблять?

Вопрос вполне правомерный, ибо все известные мне попытки «анатомирования» семиотических объектов приводили к парадоксам. Рассмотрим, например, классическую работу В.Я. Проппа «Морфология сказки». Автор опирается на аналогию с морфологией растений и пытается реализовать такой же подход к анализу волшебных сказок. В каждой сказке, как и в любом художественном

---

³ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 51–52.

⁴ Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. С. 162.

⁵ Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

59

произведении, есть действующие лица, которые как-то взаимодействуют друг с другом. Это и есть «морфология» данной конкретной сказки. Пропп обнаружил, что если построить некоторое обобщенное описание такой «морфологии», заменив конкретных действующих лиц переменными и типологизировав функции, то мы получим одну и ту же структуру для всех волшебных сказок. Это, разумеется, интересный результат, если хотите открытие, значение которого я не склонен отрицать. Именно это открытие дало Проппу основания для выявления исторических корней волшебной сказки. Но построил ли Пропп морфологию? Сам он позднее писал, что решить эту задачу не удалось, что он выявил не морфологию, а композицию сказки. И действительно, какая же это морфология? Сказка существует реально в физическом пространстве и времени, а действующих лиц, образующих ее структуру, никогда реально не существовало. Разве не парадокс!

Любопытно, что тот же самый парадокс повторяется и в других случаях исследования морфологии семиотических объектов, что явно указывает на наличие здесь некоторой закономерности. Вспомним так называемый семантический треугольник, или треугольник Фреге. Собственное имя, например, «Вальтер Скотт» представлено здесь в виде треугольника, вершины которого образуют имя как таковое, обозначаемый объект, или денотат, и смысл. Под смыслом при этом понимают либо некоторый идеальный объект, либо, как это делает Фреге, «конкретный способ задания обозначаемого»⁶, т.е., вероятно, знание каких-то его признаков. Например, выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» обозначают один и тот же объект — планету Венера, но имеют разный смысл, ибо выделяют этот объект по разным признакам. Внешне этот треугольник напоминает какую-то структурную формулу, хотя никакой морфологии имени он не выявляет. Судите сами, имя «Вальтер Скотт» мы постоянно употребляем, оно есть сегодняшняя реальность, шотландский писатель давно умер, а смысл, если это идеальный объект, реально вообще не существовал. Какие здесь возможны связи?! Представьте себе такую фантастическую структуру: у пирса стоит вполне реальный корабль, матросы набраны из команды Христофора Колумба, а командир — капитан Немо. Разве это не похоже на семантический треугольник?

Нам необходимо, во-первых, объяснить возникновение такого рода парадоксов, а, во-вторых, от них избавиться. Думаю, что это невозможно сделать без выявления онтологического статуса семиотических объектов, без решения проблемы способа их бытия.

---

¹ Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 231.

60

В семиотике и эпистемологии существует несколько направлений в решении этой проблемы. Одно из них апеллирует к физиологическим процессам в мозге. Вот как начинается книга Г. Хакена, М. Хакен-Крелль «Тайны восприятия»: «Читая эти слова, Вы, конечно же, понимаете, что книга, которую вы держите в руках — это часть реального мира. Но осознаете ли Вы, что эта

книга существует и в Вашем мозге? Скорее всего, Вы согласитесь с этим: да, существует — как идея. Исследователи мозга возразят: нет, книга существует в мозге совершенно материально. Как это возможно? Ну, скажем, в виде электрических и химических процессов»⁷. Я ни в коем случае не отрицаю значения физиологии мозга, но едва ли такой физиологический подход удовлетворит представителей гуманитарной науки.

Совсем другой подход мы встречаем у К. Поппера в его концепции «третьего мира». Знания, гипотезы, проблемы, литературные произведения имеют у него социальное бытие, они существуют в виде текстов, книг, библиотек. Но текст это всего лишь пятна краски на бумаге, пергаменте или папирусе. А где же знание? Знание, согласно Попперу, это диспозиция текста, его свойство, состоящее в том, что текст может быть понят. «Именно возможность или потенциальность некоторой вещи быть понятой, ее диспозиционный характер быть понятой и интерпретированной, или неправильно понятой и неправильно интерпретированной, делает ее книгой»⁸. Казалось бы, такой подход предоставляет гуманитарным наукам возможность сохранить свой объект исследования, не прибегая к помощи физиологов. Но он не решает проблему Соссюра. Суть-то как раз в том, что способность быть понятым не обусловлена материалом текста, она не является его атрибутом. Мы пока не нашли субстанцию знания.

Если Пропп опирался на аналогию с морфологией растений, то мы попробуем подойти к проблеме по аналогии с физикой. Вот отрывок из работы А. Эйнштейна: «В противоположность электрическому и магнитному полю, поле тяготения обладает одним в высшей степени замечательным свойством, имеющим фундаментальное значение для дальнейшего. Тела, которые движутся исключительно под действием поля тяжести, испытывают ускорение, не зависящее ни от материала, ни от физического состояния тела»⁹. Разве это не та же самая проблема субстанциональности? Гравитационные силы не связаны ни с материалом, ни с физическим состоянием тел. Разве не с аналогичной проблемой столкнулся

⁷ Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. М., 2002. С. 8.

⁸ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 451.

⁹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 1. М., 1965. С. 562.

61

Соссюр, и постоянно сталкиваемся мы в семиотике и вообще в социальных дисциплинах?

А как Эйнштейн выходит из положения? Он объясняет гравитацию кривизной пространства-времени. Но ведь социология стихийно идет почти тем же путем, утверждая, что многие неатрибутивные характеристики людей определяются тем, что люди занимают определенные социальные места, места в социальном пространстве. Ведь характеристики президента, ректора университета, директора завода и т.п. — это характеристики мест, а не материала, который эти места занимает. Эти характеристики тоже не обусловлены никакой субстанцией. Нужно теперь только чуть-чуть детализировать, о каком пространстве идет речь. В физическом пространстве место определяется координатами в некоторой системе отсчета. В социальном пространстве место — это набор социальных программ, которые реализует человек, данное место занимающий. Но программы эти существуют в конечном итоге на уровне постоянно демонстрируемых образцов поведения или деятельности. Вот и получается, что люди, действуя, определяют характер социального пространства, а пространство в свою очередь диктует людям, как им действовать. Разве это не похоже на общую теорию относительности? Приведем аналогичное утверждение из солидной работы по теории гравитации: «Пространство воздействует на материю, «указывая» ей, как двигаться. Материя в свою очередь оказывает обратное действие на пространство, «указывая» ему, как искривляться»¹⁰.

Перейдем от эвристических аналогий к прямому ответу на вопрос. Мы принимаем следующие положения. 1. Исходным механизмом, определяющим человеческое поведение и деятельность, является воспроизведение непосредственных образцов. Это так называемые социальные эстафеты¹¹. 2. В условиях наличия языка и речи, которые в свою очередь тоже воспроизводятся по образцам, происходит частичная вербализация эстафет и появляются описания реальной деятельности или ее проектов. Такие описания являются элементами изучаемой системы, представляя собой ее рефлексию. 3. Воспроизведение образцов социально обусловлено, так как отдельно взятый образец не задает четкого множества возможных реализаций и приобретает относительную определенность только в контексте других образцов, в рамках определенных эстафетных структур. Речь идет, следовательно, о достаточно

¹⁰ Мизнер Ч., Торн К., Уилер Дж. Гравитация. Т. 1. М., 1977. С. 31–32.

¹¹ См.: Куайн У.В.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 56–57.

62

сложных по своей организации социальных программах. 4. Все социальные явления представляют собой некоторые программы, которые реализуются на постоянно меняющемся предметном и человеческом материале. По своему относительному безразличию к материалу эти явления напоминают одиночную волну на воде. Такие волноподобные явления мы будем называть социальными куматоидами. Любое социальное место, которое занимает то один человек, то другой, является социальным куматоидом. Любой университет, который все время меняет студентов, аспирантов, преподавателей... — это тоже социальный куматоид. Модель нормальной науки Т. Куна, где некоторая социальная программа, именуемая парадигмой, реализуется на материале постоянно меняющего свой состав научного сообщества, также может быть примером социального куматоида.

Основной наш тезис состоит в следующем: все семиотические образования — от простого знака до художественных произведений и научных теорий — это социальные куматоиды. Это социальные программы, базовым механизмом которых является воспроизведение непосредственных образцов. Таким образом мы и решаем проблему способа бытия семиотических объектов. Думаю, что в рамках гуманитарных наук этот тезис столь же важен, как утверждение, что свет — это электромагнитные волны, в рамках физики.

По сути дела, к такому пониманию явлений языка и речи почти вплотную подходил Соссюр. «Когда мы слышим на публичной лекции, — пишет он, — неоднократно повторяемое обращение *Messieurs!* «Господа!», мы ощущаем, что каждый раз это то же самое выражение. Между тем вариации в произнесении и интонации его в разных оборотах речи представляют весьма существенные различия, столь же существенные, как и те, которые в других случаях служат для различения отдельных слов...»¹². Очевидно, что перед нами пример куматоида, языковое выражение как куматоид. Это явление представляется Соссюру настолько важным, что он тут же пытается осознать его с более общих позиций и ищет аналогичные примеры за пределами языка. «Мы говорим, например, о тождестве по поводу двух скорых поездов «Женева — Париж» с отправлением в 8 ч. 45 м. веч., отходящих один за другим с интервалом в 24 часа. На наш взгляд, это тот же самый скорый поезд, а между тем и паровоз, и вагоны, и поездная бригада — все в них, по-видимому, разное. Или другой пример: уничтожили улицу,

¹² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 140.

63

снесли на ней все дома, а затем застроили ее вновь; мы говорим, что это все та же улица, хотя материально от старой, быть может, ничего не осталось. Почему можно перестроить улицу до самого последнего камешка и все же считать, что она не перестала быть той же самой? Потому что то, что

ее образует, не является чисто материальным: ее существо определяется некоторыми условиями, которым безразличен ее случайный материал, например, ее положением относительно других улиц»¹³.

Соссюр, однако, не выделяет специально весь класс таких явлений и ничего не говорит о социальных программах. Он прежде всего делает упор на проблему субстанциональности. Нет у него и аналогии с волной, которая явно присутствует, например в работах Г. Тарда. Еще ближе подходят к понятию куматоида Уэллек и Уоррен в уже упомянутой выше работе. «Таким образом, — пишут они, — поэзия должна быть рассмотрена как совокупность некоторых норм, связанных отношениями структуры...»¹⁴. Но авторы не решили вопрос о том, как существуют указанные нормы, и сами откровенно в этом признаются: «Но понимание литературного произведения как стратифицированной системы норм оставляет открытым вопрос о том, каков же способ бытия этой системы»¹⁵.

Но вернемся к нашему основному тезису и попытаемся объяснить, каким образом возникают описанные выше парадоксы. Любой эстафетный процесс, связанный с воспроизведением образцов, можно и нужно рассматривать с двух сторон: со стороны содержания этих образцов и со стороны того механизма, который обеспечивает их содержание и воспроизведение. В первом случае мы фиксируем то, что передается по эстафете, во втором — механизм передачи. Спрашивается, что именно описывает семантический треугольник? Я полагаю, что некоторую феноменологию словоупотребления, как раз и составляющую содержание образцов. Словесно это можно выразить следующим образом: словом «Вальтер Скотт» обозначают шотландского писателя, характеризуютого такими-то признаками. Ничего больше в схеме семантического треугольника нет. Дело, однако, в том, что связи, которые там обозначены, т.е. связи имени и денотата, имени и смысла, — это связи мнимые. Реальные связи следует искать за пределами треугольника, а именно в эстафетном механизме трансляции.

¹³ Там же. С. 141.

¹⁴ Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978. С. 164.

¹⁵ Там же. С. 167.

Поясним эту последнюю мысль. Обратимся к набору вещей в вашей комнате. Можно ли сказать, что стулья как-то связаны со столом, а кресло с торшером, что блюдо на столе как-то связано с чашкой? Никаких связей там нет, кроме разве гравитационных. Но на всех этих предметах реализуются программы нашего поведения и деятельности, и предметы точно обретают душу и становятся носителями характеристик, никак не связанных с их материалом.

Но это мнимые структуры, это некое подобие теней на стене платоновской пещеры. Структуру, строение надо искать в мире реальных вещей, а не их теней. Почти все сказанное о семантическом треугольнике можно повторить применительно к работе Проппа. В «Мофологии сказки» дано обобщенное описание образца, в соответствии с которым воспроизводится сказка. Не случайно и сам Пропп отмечает, что он построил схему, пользуясь которой можно рассказывать все новые и новые сказки. И семантический треугольник, и схема Проппа — это рефлексия самой системы.

Во всем этом содержится некоторый методологический парадокс. Традиционно считается, что анализ структуры, строения осуществляется ради объяснения некоторой феноменологии. Выявляя структуру кристалла, например, мы объясняем его свойства, его геометрическую форму. И только в гуманитарных науках анализ строения удивительным образом совпадает с феноменологическим описанием человеческого поведения или деятельности, т.е. с описанием того, что как раз и нуждается в объяснении. Например, в актах производственной деятельности мы, как правило, можем выделить некоторый объект, который мы изменяем с помощью каких-то орудий и превращаем в продукт. Это феноменология, а мы вдруг говорим, что объект, средства, продукт — это структур-

ные элементы акта деятельности, хотя между ними нет никаких непосредственных связей. Они — просто марионетки в руках кукольника, реализующего некоторую программу. Главное ускользает от наших глаз.

Куматоид, как мы уже говорили, — это некоторая социальная программа, которая реализуется на определенном постоянно сменяемом предметном и человеческом материале. Анализировать, следовательно, надо именно эту программу. Из каких элементарных подпрограмм она состоит, как эти подпрограммы связаны друг с другом, каков способ их бытия? Рассмотрим с этой точки зрения имя «Вальтер Скотт». Какие подпрограммы здесь можно выделить? Во-первых, существует программа воспроизведения самой знаковой формы. Мы можем повторять это имя даже в том

65

случае, если не знаем его содержания. Думаю, что эта программа не столь уж проста, но допустим пока, что она воспроизводится на уровне непосредственных образцов. Вторая программа, или, точнее, группа программ, управляет первой программой, указывая, когда, в каких ситуациях следует ее реализовывать. Эта программа, как мне представляется, очень сложная. Допустим для начала, что Вальтер Скотт — наш современник и что в поле нашего зрения есть непосредственные образцы именованного «Это — Вальтер Скотт». Такие образцы приобретают определенное содержание только в контексте множества других образцов, которые как-то конкурируют друг с другом. Это в свое время детально обсуждал Л. Витгенштейн. Если вы указываете на человека и говорите «Это Вальтер Скотт», то почему этот образец не воспринимается как образец именованного цвета рубашки, национальности, возраста, пола, должности..? Суть в том, вероятно, что все эти места заняты, как в случае принципа запрета Паули. Плюс к этому у нас есть набор человеческих имен, точнее, множество образцов именованного, которые тоже диктуют нам определенное понимание. Можно, вероятно, сказать, что эстафета использования имени «Вальтер Скотт» строится не только на базе одного образца именованного, но по образцу других аналогичных эстафет. Но мы ведь сильно упростили ситуацию, предположив, что Вальтера Скотта нам непосредственно представили при личной встрече. Но ведь его, увы, уже давно нет.

Я не буду продолжать анализ, ибо он не так уж и прост и уведет нас к тому же далеко за пределы статьи. Важно следующее.

1. Перед нами достаточно сложный мир социальных программ и их связей. Уже в приведенном случае мы столкнулись, по меньшей мере, с тремя типами таких связей: одна программа может превращать другую в объект управления; одна эстафета может строиться по образцу других эстафет, т.е. эстафета тоже может быть образцом; в рамках некоторой ситуации образцы конкурируют друг с другом, отстаивая свою область интерпретаций.

2. Наше понимание имени «Вальтер Скотт», схема которого представлена семантическим треугольником, есть порождение всех указанных эстафет и их связей. Это есть некоторая феноменология, которую надо объяснить. И объяснение при этом вовсе не должно дублировать феноменологическое описание. В одном случае мы описываем, как действует человек, в другом — отвечаем на вопрос, почему он действует так, а не иначе.

Важно при этом обратить внимание на то, что описание феноменологии поведения — это рефлексия системы, и к тем программам, которые уже были выше выделены, нам надо добавить

66

программы рефлексии. Это подводит нас к обсуждению достаточно сложной проблемы, связанной с изучением систем, которые описывают свое собственное поведение. Можем ли мы при исследовании этих систем заимствовать такого рода самоописания, рассматривая изучаемую систему в качестве своего соавтора?

Вводя понятие социального куматоида, мы открываем новый мир для исследования, мир, с которым мы постоянно сталкиваемся, но не осознаем, с каким классом объектов имеем дело. Мы уже отмечали, что наука — это тоже куматоид, и впервые это показал Кун, не имея при этом соответствующего понятия. Он начал и анализ этого куматоида, выделяя, как он полагал, отдельные виды программ, но явно смешивая содержательное описание этих программ с анализом способа их существования. Очень важно, на мой взгляд, что понятие куматоида позволяет с единых позиций подойти к анализу, казалось бы, разных объектов, таких как наука, знак, знание, литературное произведение, теория... Дело упирается в разработку методики такого анализа.

67